

УДК 316:37(476)

Т. М. ШАВЕРДО
ТЕМПОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ)

Рассматривается преобразование темпорального режима социальности, в частности сферы образования, под влиянием современных информационных технологий. Аналитическая модель задается с помощью временных координат, объединенных категорией «временной паттерн». Временные паттерны представляются в качестве специфической темпоральной конфигурации, определяющей характер социальных процессов конкретной эпохи и культуры. Эксплицируется трансформация временных паттернов от традиционного общества к современному. На основании конфигураций пространственно-временных структур выводятся специфические способы распространения и передачи знаний в различных типах обществ. В качестве важнейшего атрибута современной цивилизации рассматривается скорость, а технологии — как главный инструмент ускорения социальных процессов. Репрезентируются идейно-мировоззренческие корни цифровой трансформации. Выявляется роль информационных технологий в изменении образовательной деятельности. Обозначаются основные тенденции цифровой трансформации образования. С помощью категории «человекоразмерность» анализируются противоречия данного процесса.

ШАВЕРДО
 Тамара Михайловна,

магистр социологических наук, аспирант Белорусского государственного университета

T. SHAVERDO

THE TEMPORAL DIMENSION OF SOCIALITY IN A DIGITAL TRANSFORMATION

The article discusses the transformation of the temporal regime of sociality, in particular the sphere of education, under the influence of modern information technologies. Time coordinates are used as a tool for analyzing social processes and are combined by the category «temporary pattern». Temporary patterns are presented as a specific temporal configuration that determines the nature of the social processes of a certain era and culture. The transformation of temporary patterns from traditional to modern society is explicated. The specifics of the dissemination of knowledge in various types of societies is shown on the basis of time coordinates. Speed is defined as the most important attribute of modern civilization, and technology defined as the main tool for accelerating social processes. The ideological roots of digital transformation are represented. The role of information technology in changing educational activities is revealed. The main trends in the digital transformation of education are outlined. Using the category «human dimension», the contradictions of this process are analyzed.

Время является неперенным атрибутом любых явлений, от биологических до социальных. В связи с этим время как социально-философская категория выступает продуктивным инструментом анализа различных процессов, происходящих в обществе, так как позволяет сопоставлять и оценивать их по единому фундаментальному основанию.

Выступая в качестве важнейшего организационного принципа, временная структура облегчает институционализацию частной

жизни, позволяя «вписывать» каждого отдельного индивида в более широкую социальную общность. Несмотря на то что человеческая деятельность разворачивается в плоскости социального, важно удерживать во внимании наличие определенных временных режимов, распространяющихся на различные сферы реальности, в том числе на физическую и биологическую. Если биотемпоральные и физiotемпоральные режимы можно назвать «естественными», то социотемпоральные режимы

конструируются в ходе социального взаимодействия. В зависимости от типа общества социотемпоральные режимы имеют различную степень удаленности от «естественных» временных закономерностей. Физическая и биологическая сферы реальности особым образом преобразуются в плоскости социального, но социотемпоральный конструкт не может полностью игнорировать «естественные» требования физических и биологических законов.

Одним из факторов, преобразующих темпоральные режимы, выступают технологии [1, с. 13]. Плотнo войдя в социальную жизнь, они берут на себя все больше функций, как физических, так и интеллектуальных, прежде доступных только человеку. Взамен технологии диктуют свои временные закономерности, едва ли посильные человеку в его биологической обусловленности.

В поле образовательной деятельности вопрос темпоральности встает особенно остро. Образование как важнейший институт и механизм социализации является продолжением социума, продуцирует определенные схемы поведения, в том числе особенности взаимоотношений с временными регламентами и графиками.

Процесс цифровой трансформации, ставший трендом последнего десятилетия, коренным образом преобразуют все сферы общественной жизни и особенно сферу образования, так как именно она является той питательной средой, на которой восходят цифровые инновации. С одной стороны, технологии предлагают новые возможности изучения окружающего мира: виртуальная и дополненная реальности вместо рисунков на доске, компактные планшеты вместо тяжелых книг, онлайн-тесты вместо контрольных в тетради и многое другое. С другой стороны, современные ИТ являются уже не просто инфраструктурным элементом образования — они опосредуют само мышление, вследствие чего неизбежно задают новые временные правила.

В рамках проблематики, заявленной в названии, более детально рассмотрим специфику темпорального режима социальности в условиях цифровой трансформации и проанализируем человекообразность современно-информационного поля и образования.

В качестве базовых временных параметров израильский и американский социолог Э. Зерубавель обозначает последовательность, продолжительность, временное месторасположение и частоту повторения, с помощью которых может быть описана темпоральная природа любых явлений [2, с. 1].

Каждая эпоха, каждая культура имеет собственную конфигурацию пространственно-временных координат. Такую конфигурацию можно обозначить как паттерн — некий шаблон, схема-образ, обеспечивающий устойчи-

вость, повторяемость определенной пространственно-временной конфигурации и соответствующее видение мира. Российский медиевист А. Гуревич отмечает, что человек не рождается с «чувством времени» и его представления о темпоральности всегда опосредованы культурой. Пространство и время не только существуют объективно как неотъемлемые физические параметры социального взаимодействия, но и субъективно переживаются людьми и воспроизводятся ими в ходе социальных практик, «причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково» [3, с. 45].

В качестве примера рассмотрим оппозицию *«традиционное общество — современное общество»*. Традиционный уклад предполагает близость человека к естественным временным закономерностям (физическим и биологическим), что объясняется привязанностью к земле и необходимостью следовать природным ритмам. Как отмечает американский социолог У. Мур, для крестьянина, занятого в натуральном хозяйстве, время не представляет собой жесткой структуры и экономически не ценится. Он просто выполняет набор задач, прерываясь из-за темноты или усталости до тех пор, пока один цикл работ не будет завершен и не начнется новый [2, с. 7].

В обществе классического модерна, утвердившегося в новоевропейскую эпоху, время принимает облик некоего социального соглашения. Э. Зерубавель отмечает, что планирование является типично современным явлением и предполагает переход от естественного или случайного чувства времени к чувству времени как графика [2, с. 6]. Если в традиционном обществе сама человеческая деятельность регулирует «календарь», то в обществе модерна человеческая деятельность регулируется социальными установленными графиками событий.

Исходя из данных пространственно-временных характеристик двух эпох, выводятся специфические паттерны распространения и передачи знаний. Так, в традиционном обществе (для упрощения будем понимать под таким обществом средневековую Европу) распространение учености и навыков мастерства локализовано во времени и пространстве. Мы находим их прежде всего в монастырях и университетских корпорациях. При жестком регламенте этих учреждений поддерживается закрытость и эзотеричность знания. Носитель информации наделяется сакральным статусом. На идейно-мировоззренческом уровне это обусловлено теоцентристской картиной мира, предполагающей, что единственным автором «текстов» выступает Творец, а отдельные лица на земле — лишь посредники божественных смыслов (речь идет главным образом о служителях церкви).образова-

ние имеет метафизический горизонт, так как носит подчеркнута религиозный характер и позволяет определенным образом реализовать идею спасения, приблизиться к Творцу. На инструментальном уровне сакрализация и локализация знаний обусловлены устно-письменной формой передачи информации и отсутствием возможности ее тиражирования. Таким образом, распространение знаний в средневековом обществе строго ограничено в пространственно-временном отношении и привязано к носителю информации.

В эпоху модерна возникает тенденция к размытию жестких социальных рамок, теоцентризм сменяется антропоцентризмом. По мнению Б. Рассела, «основная посылка Декарта „Я мыслю, следовательно, я существую“ сделала для каждого человека отправной точкой его собственное существование, а не существование других индивидуумов» [4, с. 710]. В центре мироздания оказывается человек таким, каким нам показал его Р. Декарт, — активным, действующим, познающим. Отсюда логично объясняется и феномен авторства, возникший именно в эпоху модерна. Если в Средневековье автором всех культурных традиций выступал Бог, а человек играл лишь роль посредника, которому выпала честь донести до остальных «не прозревших» божественную истину, то в Новое время каждый человек приобретает право авторства уже на том основании, что он разумен. Образование утрачивает метафизический горизонт. Проект человека, определяющий вектор развития образования, — свободомыслящий естествоиспытатель, рационалист и полезный член общества.

Эпоху модерна часто связывают с метафорической временной конструкцией — «стрела времени», которая отсылает нас к прогрессивистскому пониманию истории. При этом с эпохи Просвещения основным критерием прогресса становится развитие науки и техники. Благодаря техническому прогрессу активизируется процесс постепенного разделения пространства и времени — новые средства сообщения и, главное, новый способ передачи информации, возникший благодаря распространению книгопечатания. Процесс передачи знаний утрачивает свою локализацию, значительно расширяются слои населения, имеющие доступ к информации. Одновременно возрастает и скорость продуцирования новых знаний.

Время становится не просто атрибутом социальности, но и важнейшим ресурсом, позволяющим качественно маркировать участников исторического процесса, говорить о пространственно-временном отставании или опережении, отдавая предпочтение тем субъектам, которые выигрывают в скорости [5, с. 593].

Современное общество может быть описано в терминах различных социологических концепций (постиндустриальное, информационное, сетевое и т. д.), однако сама категория «современность» отсылает нас к модерному представлению о социальной реальности (от англ. *modern*, фр. *modernite* — «современный»).

А. Гуревич убежден, что современный человек — это «торопящийся человек»: «Самое соперничество между социальными системами понимается теперь как соревнование во времени: кто выиграет в темпах развития, на кого „работает“ время?» [3, с. 44]. Исследователь обозначает такое положение дел как «культ времени».

Цифровая трансформация и так называемый культ времени представляют собой неотъемлемые черты современности и имеют одни и те же идейно-мировоззренческие корни. Идея регламентов и графиков, так же как и процессы информатизации и цифровизации, восходит к идеологии Просвещения, заключающей в себе убежденность в прогрессивном развитии общества и всемогуществе разума, а следовательно, абсолютизацию рационального начала и стремление к упразднению спонтанности в социальных процессах.

Такая среда способствовала бурному развитию науки, а затем череде научно-технических революций и утверждению в 20-е гг. XX в. технократизма — распространенному в западной общественной мысли принципу объяснения социального устройства, согласно которому техника является главной движущей силой развития общества. Технократизм обнаруживает себя и через несколько десятилетий спустя в популярных объяснительных моделях общества, таких как индустриализм и постиндустриализм, информационное и сетевое общество.

Э. Гидденс в качестве ключевой характеристики современного общества отмечает разделение пространства и времени [6]. Данная тенденция означает преодоление естественных темпоральных закономерностей с помощью технологий. Человек может в считанные часы попасть из одной части земного шара в другую или с помощью операций безличного расчета распространить свое влияние там, где он физически отсутствует. Таким образом, одним из главных достижений технологий и атрибутом современной цивилизации становится скорость, а техника — инструментом, который позволяет многократно ускорить как элементарные процессы физического перемещения, так и ряд интеллектуальных процессов, которые прежде были доступны только человеку.

Цифровая трансформация является прямой наследницей технократизма и в общем виде представляет собой коренное преобразование бизнес-процессов во всех сферах общественной жизни на основе использования современных цифровых технологий [7, с. 24].

Необходимо четко разграничивать привычное понятие «информатизация» и достаточно новое понятие «цифровая трансформация». Информатизация — это инфраструктурный элемент цифровой трансформации (так называемое «железо»), в то время как последняя направлена на преобразование сущности социальных процессов на основе внедрения программного кода [8]. Если информатизацию образования можно описать при помощи таких показателей, как доля учреждений образования, имеющих компьютерные классы; число учреждений образования, имеющих доступ к сети Интернет и др., то цифровая трансформация может быть охарактеризована долей электронного документооборота и электронных услуг; долей специальностей, доступных для получения в дистанционной форме.

Цифровая трансформация образования является глобальной тенденцией и в Беларуси она реализуется в рамках Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы.

В качестве иллюстрации основных тенденций цифровой трансформации образования в Республике Беларусь рассмотрим итоговые тезисы докладов II Международной научно-технической выставки-форума «Информационные технологии в образовании» ITE-2018 [9]. Мероприятие было организовано в ноябре 2018 года Министерством образования Республики Беларусь совместно с учреждением «Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь» в соответствии с Государственной программой, в связи с чем представляет особый интерес для определения направлений реализации цифровой трансформации образования в Беларуси.

Так, в резолюции выставки-форума был обозначен ряд ожидаемых эффектов от цифровой трансформации образования [9]:

1. Автоматизация труда и адаптация обучающихся к жизни в стремительно изменяющемся мире.

2. Повышение практикоориентированности обучения за счет углубления государственно-частного партнерства, в рамках которого частные компании могут финансировать востребованные направления исследований, готовя специалистов «для себя».

3. Развитие дистанционного обучения, предполагающее разработку унифицированных форматов образовательных ресурсов.

4. Развитие креативных способностей человека за счет выбора индивидуальных образовательных траекторий.

5. Рост позиций белорусских учреждений образования в международных рейтингах, в частности в рейтинге Webometrics, за счет повышения онлайн-присутствия учреждений образования.

Проанализировав следствия, к которым приводит/должна привести цифровая трансформация образования, помимо положительных эффектов, можно отметить подчеркнута количественную направленность данного процесса, которая во многом сводит на нет его качественную составляющую.

Во-первых, тенденция к повышению практикоориентированности обучения (2) вкупе с тенденцией к автоматизации труда (1) имеет свои побочные эффекты — фрагментацию и десистематизацию образования. Динамичность и мобильность работника — неотъемлемые требования современного рынка труда. Идеальный работник позиционируется как универсальная «запчасть», которая легко встраивается в любую систему и может быть без потерь заменена другой. Однако, учитывая успехи в области ИТ-разработок, такие «запчасти» вскоре вовсе будут заменены роботами [10, с. 39].

В условиях стремительного развития искусственного интеллекта и его способности заменить немалую часть профессий, по-настоящему конкурентоспособным оказывается именно тот работник, который обладает уникальным набором навыков, имеет системное мышление и аналитические способности, так как все условно технические операции выносятся за пределы человеческого мозга и наиболее успешно реализуются машинами. Здесь отмечается следующий парадокс: с одной стороны, усилия науки направлены на то, чтобы «обучить» искусственный интеллект работать аналогично человеческому, с другой — форматы обучения все больше «механизируют» сам человеческий интеллект (таким образом, человеческий интеллект и искусственный как бы сближаются).

Во-вторых, дистанционное обучение (3), с одной стороны, предполагает высвобождение обучающегося из пространственно-временных рамок образовательных институтов и его активную роль в процессе познания, но, с другой стороны, унификация форматов образовательных ресурсов, необходимая для реализации дистанционного обучения, вступает в конфликт с заявленной в резолюции ориентацией на развитие креативных способностей человека за счет выбора индивидуальных образовательных траекторий (4). Предполагается, что с помощью работы нейронной сети удастся безошибочно рассчитать способности обучающегося и подобрать оптимальную программу. Однако при наличии жестких стандартов обучения вариация оказывается допустима только относительно координаты временного месторасположения при сохранении стандартной продолжительности обучения.

В-третьих, рост позиций учреждений образования в международных рейтингах (5) с трудом можно назвать сущностным показателем качества образования. Тенденция из-

мерять успешность учреждений образования позицией в рейтингах (то есть с помощью количественных показателей), точно так же, как и попытка оценить компетентность ученого индексом научного цитирования, нередко превращает реальную работу в погоню за соответствием формальным критериям [11].

Таким образом, неотъемлемым атрибутом цифровизации является жесткая количественная определенность всех процессов, а в качестве условия и цели реализации цифровой трансформации выступает скорость. Информация в современном мире производится не только человеком, но и машиной, и ее объемы умножаются и распространяются так быстро, что образование вынуждено шагнуть за пределы привычных учреждений и временных регламентов. Наиболее наглядно такое расширение пространства и времени образовательной деятельности проявляется во всевозможных формах онлайн-обучения: человек может получать информацию где угодно и когда угодно.

Более того, подобная детерриторизация наблюдается и в масштабах отдельного субъекта образовательной деятельности. Человеческий мозг не может соревноваться с машиной в точности и скорости выполнения технических операций, но игнорировать тот темп социальной жизни, который задает развитие технологий, также невозможно. В связи с этим человек практически постоянно вынужден «подключаться» к всевозможным гаджетам, тем самым реализуя ряд интеллектуальных операций за пределами своего собственного мозга.

Здесь встает вопрос о человекообразности современного информационного поля и образовательной деятельности. В культурно-социологической концепции М. Петрова — это вопрос о «посильности» человеку тех или иных социальных действий, вопрос о его «вместимости» (как физической, так и ментальной) [12]. Ученый акцентирует внимание на необходимости соотношения индивидов с накопленным на каждый момент времени и транслируемым массивом информации, зафиксированным в знаково-символической форме. Белорусский социолог В. Абушенко отмечает, что историческая эволюция — это во многом «эволюция человекообразности», выраженная в росте индивидуальной вместимости [13, с. 295].

Если же говорить о временной перспективе человекообразности, то цифровая трансформация образования приводит к своеобразному «конфликту скоростей» в образовательной деятельности и затрудняет реализацию одной из главных функций образования — гумани-

стической. Гуманизация как понятие, тесно связанное с человекообразностью, предполагает в том числе соответствие образовательной деятельности биотемпоральным ритмам. Цифровизация же направлена на наращивание скоростей. При этом именно та система, которая обладает большей скоростью в эпоху «культы времени», становится центром, диктующим свои правила.

Поскольку «объем социально необходимого корпуса знания всегда превышает возможности отдельно взятого индивида — его физическую и ментальную „вместимость“» [12, с. 31], то необходимо фрагментировать знания на части, посильные для отдельных индивидов, а затем интегрировать эти части в целостность корпуса знания. В то же время важно соблюсти баланс фрагментации-интеграции, чтобы сохранить целостность личности.

В условиях цифровой трансформации и выхода ряда мыслительных операций за пределы человеческого мозга остро встает вопрос о сохранении за человеком *уникального* статуса субъекта: если сегодня технологии стали нашим неотъемлемым придатком, то, учитывая успехи в развитии искусственного интеллекта, необходимо постоянно удерживать во внимании, что и сам человек может оказаться в этой не самой завидной роли.

Общество движется по пути рассогласования био-, физио- и социотемпоральных режимов, что коренным образом переформирует нашу социальность. Одним из мощнейших факторов изменения временных режимов выступают технологии. Современные ИТ представляют собой уже не только инфраструктурный элемент различных процессов повседневной жизни, но опосредуют само мышление, вследствие чего неизбежно задают новые временные правила, не всегда посильные для человека в его биологической обусловленности. Наращивание скоростей в плоскости социального вынуждает человека постоянно «подключаться» ко всевозможным гаджетам и осуществлять ряд интеллектуальных операций за пределами своих физических границ, что ставит вопрос о целостности и автономности личности и человекообразности современного информационного поля. В сложившихся условиях образование выступает как область активного воздействия цифровой трансформации, так и среда, в которой производятся ИТ-инновации. Это дает возможность рассматривать образовательные институты в качестве важнейших направляющих процесса цифровой трансформации, позволяющих корректировать вектор развития современных технологий с учетом особенностей индивидуальной «вместимости» человека.

Список использованных источников

1. Коршунов, Г. П. Цифровая трансформация общества — проблемы и перспективы социологического изучения / Г. П. Коршунов // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. — 2019. — № 1. — С. 12–22.

2. Zerubavel, E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life / E. Zerubavel. — Chicago : University of Chicago Press, 1981. — 185 p.
3. Гуревич, А. Я. Избранные труды. Средневековый мир / А. Я. Гуревич. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — 560 с.
4. Рассел, Б. История западной философии : в 3 кн. [Электронный ресурс] / Б. Рассел. — Новосибирск : Сиб. универ. изд-во ; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. — 992 с. — Режим доступа: http://krotov.info/library/17_r/as/rass_00.html. — Дата доступа: 10.03.2019.
5. Шавердо, Т. М. Современность как социально-философский конструкт / Т. М. Шавердо // 75-я науч. конф. студентов и аспирантов Бел. гос. ун-та : материалы конф. : в 3 ч. ; Минск, 14–23 мая 2018 г. / Бел. гос. ун-т, Гл. упр. Науки ; редкол.: В. Г. Сафонов (пред.) [и др.]. — Ч. 2. — Минск : БГУ, 2018. — С. 590–593.
6. Гидденс, Э. Модерн и самоидентичность [Электронный ресурс] / Э. Гидденс. — Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/775/651/1219/gl5.pdf>. — Дата доступа: 02.04.2019.
7. Карпенко, Л. И. Статистическая оценка готовности к цифровой трансформации экономики Республики Беларусь / Л. И. Карпенко, А. Б. Бельский // Цифровая трансформация. — 2018. — № 1. — С. 14–25.
8. Лис, П. А. Проблемы трансформации образования в контексте цифровой экономики [Электронный ресурс] / П. А. Лис // Цифровая трансформация образования : сб. мат. 1 Науч.-практ. конф., Минск, 30 мая 2018 г. // М-во образования Респ. Беларусь, ГИАЦ Минобразования ; редкол.: В. А. Богуш [и др.]. — Минск : ГИАЦ Минобразования, 2018. — С. 461–464. — Режим доступа: http://dtconf.unibel.by/doc/DTE_conference.pdf. — Дата доступа: 14.03.2019.
9. Итоги II Международной специализированной научно-технической выставки-форума «Информационные технологии в образовании» ITE-2018 // Цифровая трансформация. — 2018. — № 4. — С. 61–70.
10. Головенчик, Г. Г. Трансформация рынка труда в цифровой экономике / Г. Г. Головенчик // Цифровая трансформация. — 2018. — № 4. — С. 27–43.
11. Максимчик, О. А. Библиометрия в оценке результатов эффективности научных исследований и влияния журналов: целесообразность и перспективы / О. А. Максимчик, Е. Ю. Макеева // Известия Самарского науч. центра РАН. — 2014. — Т. 16. — № 2 (4). — С. 775–778.
12. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 328 с.
13. Абушенко, В. Л. Понятие человеко(раз)мерности в культурсоциологии М. К. Петрова / В. Л. Абушенко // Социологический альманах. — 2015. — Вып. 6. — С. 283–295.

28.08.2019